

ПЕСНЯ— ДУША НАРОДА

● ГОДА ДВА НАЗАД довелось побывать мне в Азербайджане. Там, где зеленые горы Кавказа перерезает тонкое лезвие реки. И лезвие это — граница. Была ночь, густая и тяжелая, похожая на землю, что засеяна крупными семенами звезд. Наряды ушли в ночь, а мы со старшиной сверхсрочной службы, азербайджанцем Аскером Мамедовым сидели у ворот заставы и слушали по транзистору Москву. Сильный и мягкий голос врывается из маленького приемника и, пронзая ночь, уносится с этим звездам, в эти горы и, пролетев реку, захватывает где-то далеко, в Иране. А песня была о Родине. И так необычна была обстановка, и так задумчиво пел песню артист, что вдруг это слово — Родина — почувствовал я не конкретно, до осознания. Почувствовал все тысячи километров родной земли, что лежали у нас за плечами. А старшина сверхсрочной службы Аскер Мамедов сказал: «Вот его люблю больше всех. Поет, как сердце раскрывает». Пел Георг ОТС...

Я рассказал Георгу Карловичу ОТСу про эту ночь в антракте (шла опера «Демон»), в артистической уборной Ленинградского театра имени С. М. Кирова.

Наша беседа «длилась» три часа. И всякий раз, когда ОТС появлялся в комнате после очередного выхода на сцену, вместе с ним сюда врвались долгие овации зала.

— Георг Карлович, путь человека в большое искусство порой бывает ровен, как автострада, а порой извилист, словно горная тропа. Одни с детства решают посвятить себя служению муз. Другие становятся артистами случайно, волею судеб. Как пришли в искусство вы?

— У меня закономерное и случайное, как ни странно, слилось воедино. Мой отец долгое время работал на железной дороге, и мое детство прошло под песни паровозных гудков. Отец ни о чем ином не мечтал, лишь бы увидеть сына инженером. Путейцем, строителем, кем угодно... В слове «инженер» для простого эстонца тогда заключалось все: обеспеченность, постоянная работа. Уж отец-то хорошо знал, как невыносимо трудно было выбиться из нищеты в буржуазной Эстонии.

В общем родители мечтали о дипломе инженера, а я спал и видел себя артистом. Но вслух говорил такую «крамолу» остерегался: мало уважаемой в ту пору считалась артистическая должность. Разве мог мой старик предположить, что вскоре станет она и почетной, и любимой.

Не быть бы мне ни инженером, ни артистом, если бы не 1940 год. Когда в Эстонию вернулась новая, советская жизнь, дети бедняков пошли в институты. Поступил и я в Таллинский политехнический. Отец был счастлив. Только недолго счастье продолжалось. Пришел на землю сорок первый. Пришла война...

Как и тысячи моих сверстников, я сменил студенческую тужурку на гимнастерку солдата. Но едва стал обращаться как следует с винтовкой, едва научился накручивать портянки и в полной выкладке совершать марш-броски, как вызывают к начальству.

— Рядовой ОТС, почему скрываете, что владеете баритоном? Вы откомандиро-

вываетесь в распоряжение Государственного эстонского хора...

Я возражал, утверждал, что мое место в окопах, что хочу, как и все, сражаться с фашистами. Мне объяснили: на войне порой песня сильнее миномета.

Так в обстановке несколько необычной стал я певцом. Не во фраке и белой манишке, а в гимнастерке и кирзювых сапогах.

Нас съехалось более ста человек — со всех фронтов. Знаете, тогда, в пылу войны, в ежедневной фронтовой дороге, мы не очень-то задумывались над этим потрясающим фактом, имя которому — Государственный эстонский хор. И только потом поняли, что в тяжелейшем сорок первом, когда враг стоял у стен Москвы и Ленинграда, когда, казалось, все думы лишь о фронте, Советское правительство заботилось о будущем искусства нашей республики. Иногда я рассказываю об этом иностранцам, и у них это в голове не укладывается. Но именно так было.

После войны — музыкальное училище, консерватория. И, наконец, — оперный театр. Но самая удивительная метаморфоза произошла с отцом. Он, долгие годы проработавший на железной дороге, он, мечтавший видеть сына инженером, в конце концов сам пришел на сцену. Голос у него был отличный, и, наверное, то был голос судьбы. Вновь, как много лет назад, мы пели вместе. Только на сей раз на сцене таллинского театра «Эстония»...

— Георг Карлович, и никогда вы не жалели о том, что студент политехнического института так и не стал инженером?

— Нет. Ну, предположим, закончил бы я институт. Получил бы диплом. И что? Был бы зауряд-инженером, которому не по сердцу его труд. Какая от такого специалиста польза обществу? Я убедился: человек должен выбирать себе такую профессию, которая ему действительно по душе. Стерпится слюбится — девиз равнодушных.

Я стал певцом. И счастлив этим. Хотя профессия наша далеко не сахар. Зритель из бархата кресел видит лишь сверкающую сцену. А что там, за кулисами? Тысячи часов репетиций, килограммы пота. Врачи, например, утверждают, что по затратам физической энергии актеры стоят рядом с шахтерами и металлургами. А сколько душевных сил уходит на каждую новую роль, на каждую новую программу! Но вот ты вышел на сцену, увидел тысячи устремленных на тебя в ожидании глаз, и разом забылись и пот, и муки. Потому что несешь людям радость познания прекрасного. Ведь настоящее искусство — прекрасно...

— Вы сказали «настоящее». К нам в редакцию приходят письма, в которых читатели спрашивают: «А как распознать это настоящее?»

— Скажу о себе, о своих принципах. Всегда главным

в песне было для меня ее содержание — и поэтическое и музыкальное. Если песня может сделать человека хотя бы на грань лучше, добрее, искреннее, значит, это хорошая песня.

Песня... Во все века выражала она устремления души человеческой. Ее радость и боль, нежность и печаль. Недаром говорят, что песня — душа народа.

Помните у Маяковского: «И песня, и стих — это бомба и знамя!». Песни вели на баррикады. С ними бросались в смертельные схватки. Их пели под дулами автоматов. Как святыни, переходили от одного поколения к другому «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу!», «Наш паровоз», «Молодая гвардия»... Им десятилетия, но они и по сей день юны.

Песня... Когда окончились небывалые 108 минут космического полета Юрия Гагарина, когда «Восток-1» повернул к Земле, когда над космонавтом раскрылся оранжевый купол парашюта, Юрий запел. Запел чудесную песню «Родина слышит, Родина знает...».

Великие дела всегда рождали великие песни. И эти песни воспитывали людей, поднимая их на новые великие дела. Вроде бы давно закончилась война. Сгладились, разровнялись ее следы на земле, но и сейчас, когда слышу «Вставай, страна огромная!» или «Соловьи», или «Землянку», комок в горле и слезы на глазах. А ведь я совсем не сентиментален.

Много, очень много хороших песен создается и в наши дни. Но, чего греха таить, рядом с настоящими, к сердцу идущими, бытуют еще и пошловатые, ничемные, с мещанским душком подделки.

Плохие, невыразительные слова испортят даже очень хорошую музыку. И наоборот. Песня — нерасторжимое двуединство. Порой приходится слышать: «Ну, что вы, к песне и с такими требованиями? Подумаешь, невыразительные слова, подумаешь, примитивная мелодия... Зато под нее танцуются легко и петь приятно: там-тара-там-тара-там-тара-там...». Вот-вот, плохие песни прилипчивы. Их сила в банальности, в легкости восприятия. И они портят вкус. А ведь от вкуса человека, особенно если человек молодой, во многом зависит и его будущее: какую песню споешь, какую книгу прочитаешь, какую дорогу в жизни выберешь.

Мне нравится, что железнодорожники пишут в «Гудок» о песнях. Мне нравится начатый вами разговор об искусстве в нашей жизни. Я много ездил по стране и всюду — на заводах, в колхозах, на стройках — встречал удивительные, неповторимые самодельные певческие коллективы. У нас — поющая страна.

— Георг Карлович, а у вас среди множества спетых есть самая любимая, самая дорогая вам песня?

— Обычно в таких случаях принято говорить, что самая любимая — это еще не спетая... Но у меня есть такая — «Я люблю тебя, жизнь». Я убежден, что каждый из нас может с радостью подписаться под ее словами: «Я люблю тебя жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала».

...Два года назад, на далекой горной заставе, услышав, как эстонский певец Георг ОТС поет песню о Родине, старшина сверхсрочной службы азербайджанец Аскер Мамедов сказал: «Вот его я люблю больше всех. Поет, как сердце раскрывает».

В. ДРАННИКОВ.